

The book cover features a central illustration of a woman with long, flowing, light-colored hair. She is wearing a black, lace-like masquerade mask over her eyes and a black, strapless corset. Her expression is enigmatic. To her right, a large, dark raven is perched on her shoulder, its wings partially spread. The background is a dark, atmospheric scene of a castle with multiple towers and spires, set against a pale, moonlit sky. The overall color palette is dominated by blues, greys, and blacks, with highlights on the woman's hair and skin.

Ольга Пашнина

Невозможная
принцесса

МИНИСТЕРСТВО
МЕРТВЫХ

Ольга Пашнина
Министерство мертвых.
Невозможная принцесса
Серия «Романтическое
фэнтези Ольги Пашниной»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69729526

SelfPub;

ISBN 978-5-04-196566-2

Аннотация

Она – душа. Погибшая на Земле девушка, получившая второй шанс в новом, полном темной магии мире. Невозможная принцесса, которой не должно существовать.

Он – страж. Наследник Повелителя мертвых, единственный, кто способен пересечь грань тьмы и вернуться обратно. Отверженный принц, лишенный самого дорогого.

Она хочет лишь вернуть несправедливо отнятую жизнь, он – заслужить право на Элизиум. Между ними ненависть, а вокруг – темный город мертвых, где каждый шаг оценивают невидимые судьи.

Готовы взвесить свою душу?

Чаши кастодиометра уже пришли в движение. Борьба за власть над миром мертвых начинается сейчас.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	40
Глава 3	69
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Ольга Пашнина
Министерство мертвых
Невозможная принцесса

Иллюстрация на переплете Soma

© Пашнина О. О., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Глава 1

Водитель такси напоминал мне Харона, перевозящего души мертвых через подземную реку Стикс. Если бы кто-то задался целью придумать образ Харона двадцать первого века, естественно.

Седой, ухоженный, в классическом черном костюме, он сидел за рулем с идеальной осанкой и в абсолютной тишине. Не было ни рассуждений о жизни, политике, ценах на бензин или мигрантах – таксисты у нас любят поболтать. В машине не играла музыка, а через закрытые окна не проникали звуки с улицы. Я не могла оторвать взгляд от необычного, почему-то немного пугающего профиля мужчины. Да, он бы здорово сыграл саму Смерть в каком-нибудь сериале.

На город опустились ночь и туман. Не редкость для нашего захолустья. Мы ехали медленно, свет фар едва позволял увидеть хоть что-то. На несколько секунд я закрыла глаза.

Даже не помню, как поймала машину. Только непреодолимое, почти невыносимое желание уехать как можно дальше помню очень хорошо. Не знаю, куда меня везет водитель-Харон. И, если вдуматься, это довольно опасно. Никто не знает, где я, телефон остался дома, в пылу ссоры я даже не подумала его взять. В сумке немного денег, хватит на оплату такси и... что? Дешевый номер в мотеле? Койка в хостеле? Кажется, как-то так начинаются все репортажи о пропавших

девушках.

«После ссоры с родителями девятнадцатилетняя Аида Даркблум ушла из дома и не вернулась. В последний раз девушку видели садящейся в машину без опознавательных знаков. Особые приметы: длинные русые волосы, спортивная фигура, шрам на правой руке, одета в джинсы и черную толстовку. Просьба всем, кто обладает какой-либо информацией, связаться с родными по телефону XX – XX – XX или через службу 911».

Брр. Я поежилась.

Это же не попутка. Я всегда вызываю такси через приложение, по нему легко отследят, если что-то пойдет не так.

«Стоп! Телефон ведь остался дома...»

Во рту пересохло. Я резко открыла глаза и выпрямилась.

– Извините, куда мы едем?

В боковое окно почти ничего не было видно, только туман, кусок дороги и что-то темное вдали. Кажется, мы ехали по мосту.

– Туда, где вам нужно быть, – отозвался водитель.

– А-а-а... где мне нужно быть?

– А вы не знаете?

– М-м-м... Я... Так странно, я не помню, что сказала вам, когда садилась. Не помню, куда хотела уехать. В отель? Или...

– Мы едем на вокзал, мисс Даркблум.

На вокзал. Что ж, это логично. Я психанула, сбежала из

дома и еду на вокзал, потому что поезд – единственный способ убраться из проклятого города. Зря не взяла телефон. Можно было бы посмотреть, куда отправляются ближайшие поезда.

Я всегда хотела уехать. Слишком многое здесь напоминало о счастливой жизни, которой никогда больше не будет. От нее остались только красивый дом в дорогом районе, пара коньков и мачеха, вдруг с чего-то решившая, что моя жизнь принадлежит всецело ей. Она выбрала мне колледж, вычеркнула отца из нашего мира после его смерти.

– Вот теперь ты свободна, – пробормотала я. – Больше никаких обязательств. Никакой навязанной падчерицы. Наслаждайся.

Водитель если и услышал, то не подал виду.

Наконец мы остановились. Из-за тумана и темноты (когда-нибудь в городском бюджете появятся средства на освещение, но точно не сегодня) сложно было разглядеть, где станция, но раньше я часто бывала здесь и нашла бы зал ожидания с закрытыми глазами. Надеюсь, там есть кофе. И надеюсь, мне хватит денег на что-нибудь съестное, потому что организм уже дошел до стадии, когда от голода просто тошнит. Не помню, когда в последний раз ела. Утром?

– Мы приехали, мисс Даркблум.

– Спасибо. Сколько с меня?

В машине не было никакого счетчика.

– Вы уже расплатились со мной. Все в порядке. Удачи,

мисс Даркблум.

– Спасибо... – Я нахмурилась, но распахнула дверь и вышла наружу.

За все это время водитель даже не обернулся. Когда я огляделась и поняла, что совсем не знаю место, в котором очутилась, машины уже не было.

– С какой стороны ты меня привез?

Все вокруг напоминало самую обычную платформу. За ее краем виднелись рельсы, над головой от дождя защищал высокий купол. На ближайшем столбе обнаружили часы.

– Семнадцать-семнадцать? Да вы издеваетесь! Могли бы хоть часы починить.

Судя по тьме вокруг, времени не меньше восьми, а то и ближе к девяти. И народу уже никого, а в час пик на станции не протолкнуться. У нас почти нет работы, многие ездят в соседний город, да и студенты как раз в это время возвращаются домой.

Ладно, к черту всех. Надо найти расписание, кассу, купить билет и дожидаться ближайшего поезда. Там смогу поспать, на кофе и сэндвич уже даже не надеюсь.

Только где вокзал?

Наугад, совершенно не помня, где располагался злополучный переход в здание вокзала, я побрела по платформе. Стук каблучков эхом проносился по пустому пространству. Туман немного рассеялся, оставив вместо себя промозглый холод. Жаль, не захватила плащ или куртку. Зря я не собрала ни-

каких вещей. Но если бы я попыталась, мачеха поняла бы, что я хочу сделать. И вместо вокзала я бы оказалась заперта в своей комнате.

И вдруг впереди показалась фигура. Одинокий пассажир, ждущий поезда – то, что надо! Выясню, куда он собрался и где кассы.

– Извините! Извините, вы мне не поможете?

Довольно привлекательный шатен в темном классическом костюме-тройке обернулся и посмотрел так, словно не ожидал меня увидеть. Даже сверился с часами, затем снова перевел на меня взгляд и нахмурился.

– Аида? Аида Даркблум?

– Мы знакомы?

– Еще нет. Я ждал тебя на час позже. Это странно.

– Почему? Ждали? А вы кто?

Он снова посмотрел на наручные часы, затем на часы на столбе.

– О, я опять забыл про часовые пояса. Ну, конечно, ты Аида Даркблум, и ты совершенно вовремя! Как себя чувствуешь, малышка?

– Э-э-э... нормально, а что?

– Тошнота? Головокружение? Замерзла?

– Да, немного, но...

– Это нормально. Скоро пройдет. Итак, на чем предпочитаешь добираться? Самолет, машина, парашан, дирижабль? Выбери дирижабль, а? Его никто никогда не выбирает, а мне

ужасно любопытно.

– Добираться куда?

– В мир мертвых, разумеется. Ты что, не знаешь, что умерла?

Я рассмеялась. Немного наигранно и недоверчиво, потому что атмосфера вокруг совсем не располагала к веселью. Но часть меня все же надеялась, что мужчина рассмеется в ответ и скажет, что это он так пошутил. Но он смотрел совершенно серьезно.

– Нет. Я не в курсе, – посерьезнев, сказала я. И зачем-то добавила: – Извините.

– Ничего страшного. Стоит только оштрафовать подчиненного, как он тут же начинает саботировать процесс и скидывать свою работу на чужие плечи.

– Вы о чем?

– Не важно. Выбери, пожалуйста, транспорт, Аида. Это важно, поверь мне.

По коже прошелся мороз, и вдруг показалось, что да, действительно важно.

– Хорошо. Поезд.

– Поезд? – Незнакомец нахмурился. – А почему?

– Мы же на вокзале, – пожала плечами я. – Логично, что отсюда уезжают на поезде.

Мужчина с интересом огляделся, словно впервые видел место, в котором находился.

– Надо же, и правда. Вокзал что-то значит для тебя?

Тут я уже не выдержала. Шутка затянулась. Я не умерла, я сбежала из дома и собираюсь уехать так далеко, как смогу. Найти работу, встать на ноги и никогда больше не вспоминать о городе, в котором выросла.

– Знаете что? Отстаньте от меня. Иначе я попрошу полицию вами заняться. Всего доброго.

– Ты где-то видишь полицию?

Я развернулась, чтобы уйти. До сих пор понятия не имея, где здание вокзала. Просто хотелось оказаться как можно дальше от незнакомца. Выбросить из головы странную встречу.

– Там ничего нет, Аида! – крикнул он мне в спину.

Не знаю почему, но я остановилась.

– Там пустота. Ты умерла, и Харон переправил тебя через реку мертвых. Теперь у тебя только один путь – со мной. Поезд отвезет тебя в следующий этап. Здесь ты лишь потеряешь время и в конечном счете себя. Не уходи с платформы, Аида. Иначе я тебя не найду.

Кажется, я уснула в машине где-то на мыслях о водителе-Хароне. А может, он все же оказался маньяком и усыпил меня, чтобы зверски убить в ближайшем лесочке. А я сейчас вижу глюки от лекарств. Хотя в этом случае незнакомец даже не врет, я действительно почти умерла. Может, подсознание так пытается намекнуть, что садиться в чужую машину без приложения такси было не лучшей идеей?

Я все же дошла до края платформы, намереваясь вернуть-

ся туда, где остановилось такси. И тут же отпрыгнула в ужасе: из белесого тумана появилась рука. Жуткого красноватого цвета, она хаотично царапала бетонный пол в паре дюймов от моих ног.

– Я говорил, что не стоит. Вернись, пожалуйста, к поезду.

– Эт-то что? – От холода, пронзившего тело, я начала стучать зубами.

– Те, кто предпочел остаться здесь. Не доверившиеся проводнику души. Не войдешь в вагон – останешься с ними навсегда.

Обернувшись, я увидела поезд. Он прибыл совершенно бесшумно, не издав ни единого шороха. Без опознавательных знаков и светящихся табло, поезд казался одновременно до боли знакомым и в то же время какой-то... пародией на реальный. В нем определено что-то было не так, но сколько бы я ни рассматривала, не могла понять, что именно.

В детстве почти каждые выходные мы с отцом садились на поезд и ехали осваивать новый городок. Бродили по улицам, изучали кафешки, придумывали истории про жителей. Иногда веселые, иногда добрые, иногда страшные или грустные. Возвращались затемно, к тому моменту я уже дремала, закутавшись в папину куртку, и он нес меня домой от самой станции, так осторожно, как мог, чтобы не разбудить. А я притворялась, что у него получается.

Мужчина сделал приглашающий жест. Я еще раз обернулась к туману, но рука уже исчезла, хотя на камне остались

глубокие царапины.

Пусть это сон, бред, галлюцинация – мне не хотелось поверить, что будет, если шагнуть в туман. Поезд хотя бы примерно соотносится с первоначальным планом. А зомби или что там неупокоенное лезло – нет.

Внутри поезд совсем не напоминал те, на которых мы ездили с отцом. Вместо удобных рядов сидений – потертые кожаные диваны вокруг деревянных столиков, вместо светодиодных ламп – канделябры со свечами. А еще ковры, тяжелые шторы на окнах и даже небольшой рояль в конце.

Мужчина выбрал один из столиков и кивнул:

– Садись.

Украдкой я ущипнула себя за запястье. Определенно больно. Но может ли быть больно во сне?

– Ты не спишь и не бредишь, и галлюцинаций у тебя нет.

– Откуда вы...

– Все думают одинаково. Все пытаются уйти. Все не верят.

Поезд медленно тронулся, оставляя платформу и туман позади.

– Но ты умерла, Аида. Придется в это поверить.

– Докажите! – потребовала я. – С чего мне вам верить?

Порой люди, которые были под наркозом, рассказывают сказки и похлеще. Может, сейчас я лежу без сознания? Или кто-то подсыпал что-нибудь в мой бокал? Или я просто сплю и вижу интересный сон, который потом запишу и превращу в книгу. Стану богатой и знаменитой, как Роулинг... Кстати,

вот! Мы едем на поезде в таинственный другой мир. Все, как в моих любимых фильмах.

– Мы едем на поезде, потому что поезда для тебя обладают какой-то эмоциональной ценностью. Подозреваю, фильмы тоже – оттуда и отсылки. Пока ты не ступила на порог нашего мира, реальность вокруг питается твоей смертной жизнью. Но подумай сама. Что последнее ты помнишь?

– Как поймала такси, чтобы поехать...

– Нет, что последнее ты помнишь до машины.

Я умолкла. Ссору с мачехой помню отлично, как выскочила из дома, на ходу натягивая куртку – тоже. А дальше...

– Ты не помнишь, как поймала машину. Как села в нее. Как проделала часть пути. Если ты уснула или отключилась в баре, то почему не помнишь, как пришла в бар?

– Потому что иногда кратковременная память дает сбой... – не очень уверенно произнесла я.

– Или потому что момент смерти человека всегда окутан туманом. Чтобы не травмировать и без того шокированную душу. Вот что я тебе предлагаю, Аида. Представь, что я прав. Да, это может оказаться сном или бредом, но ты все равно не можешь заставить себя очнуться. Так притворись, что веришь мне. Ты умерла. Что думаешь?

– Что это несправедливо, – пожалала плечами я.

Мужчина посмотрел на меня так, словно слышал подобные фразы каждый день: равнодушно и немного устало. Будто моя смерть для него – всего лишь работа, и в конце дня

он забудет о девице, сидящей напротив, сойдет с поезда и пойдет в бар, чтобы выпить стаканчик-другой.

– Почему же?

– Мне всего девятнадцать. Я ничего не успела.

– А что такого ты спешила сделать, что не успела? Думаешь, мир не переживет, что ты не получила диплом средненького колледжа и не провела всю жизнь менеджером в супермаркете? Или что не рассталась с девственностью на выпускном? Или катастрофой для человечества станет твоя незакрытая кредитка? Кстати, чужая.

– Не чужая, а мачехи, – буркнула я, покраснев.

Он определенно знает обо мне если не все, то многое. Что говорит в пользу теории о бреде. И почему до сих пор не представился сам?

– Почему-то вы все считаете, что в ваших смертях есть трагедии. Будто то, что вы не прожили еще десять-двадцать-тридцать лет – ужасная несправедливость. Хотя на самом деле всем плевать. Миру плевать.

– Но не близким.

– Не им, – согласился незнакомец, и я даже приободрилась – нашли-таки точку соприкосновения!

Правда, потом он тут же снова вылил на меня психологический ушат холодной воды:

– К тебе это не относится, Аида. О твоей смерти никто не переживает.

На этом мы замолчали. Я сидела, насупившись и сложив

руки на груди, а мужчина безмятежно смотрел в окно, за которым, впрочем, ничего не было – только туман, густой и непроглядный.

– Как это случилось? – Я не выдержала первой. – Как я умерла?

– Понятия не имею, мне это не интересно. Да и тебе тоже. С этим пусть разбираются живые, у тебя свой путь.

– И куда же он ведет? – ехидно поинтересовалась я. – И почему его не видно?

– Потому что мы еще не перешли границу нашего мира. Сейчас я расскажу о нем побольше. Но сначала возьми печенье.

– Что? – не поняла я.

Вместо ответа незнакомец кивнул на дверь между вагонами, которая в следующую секунду открылась. Сначала показалась тележка со снеками и чаем, а следом за ней грузная женщина средних лет с абсолютно равнодушным выражением лица. Я бы сказала, на нем было написано что-то вроде: «задолбала работа».

Лишь при виде нас она немного оживилась.

– Сэм, ты сегодня лично?

– Да, Клара. Работаю внеурочно. Это Аида.

– Что будешь, Аида? – Она зевнула.

– Эм... ничего, спасибо.

– Возьми, – вздохнул мужчина, чье имя я теперь узнала. – Чтобы успешно перейти границу, тебе нужно съесть что-то

из нашего мира. Ты что, мифов не читала?

– Это, в смысле, зернышко граната?

– Граната нет, – ответила Клара. – Печенье будешь?

– Давайте. – Вздохнув, я махнула рукой. Они все сумасшедшие.

Мне выдали пачку самого простого галетного печенья – и Клара с тележкой покатались дальше. Я не удержалась и вплоть до момента, когда за ней закрылась дверь, пыталась рассмотреть что-нибудь в соседнем вагоне. Там тоже едут души?

На вкус печенье оказалось похожим на пенопласт. И я не для красного словца сравнила: в детстве я отгрызла целый кусок от пенопластовой упаковки телевизора. Пережевывала белые гранулы, пока не спохватился папа и не отвез меня в больницу. Нас оставили там на ночь, мне не разрешали есть, а есть хотелось со страшной силой, и папа придумывал игры, чтобы отвлечь меня от голода.

– Мое имя Самаэль, – сказал мужчина.

Это нехорошо. Точно не к добру.

– Когда человек умирает, его душа попадает ко мне, и я решаю, как с ней поступить – это если вкратце. Хотя на самом деле ко мне попадают единицы, в основном этой работой занимаются другие.

– И почему я в числе этих единиц?

– Разумеется, потому что ты – избранная с уникальным даром. Существует пророчество, согласно которому от ужас-

ного проклятия наш мир спасет юная девушка необычайной красоты и редкого ума. Хм... И правда, а что, собственно, ты тут делаешь?

– Очень смешно.

– Все были заняты по моему же приказу. Решил прогуляться сам.

– И запутались в часовых поясах.

– Знаешь, не помню в последнее время ни одной души, которую бы мне так хотелось отправить в Аид.

Хм, забавно. Аид – похоже, так у них называется ад, и мое имя – Аида. Немного нетипичное, надо сказать. Но мама ведь была актрисой. Им свойственны чудачества. Сейчас это прозвучало даже иронично.

– Значит, это не ад. И мы в него не едем.

– Не ад. А ты как думаешь? Куда ты попадешь?

– Мне кажется, я в целом неплохой человек, – пожалала плечами я. – Наверное, в рай.

– Ты не хороший человек, Аида.

– Тогда зачем спрашиваете?! Что я такого сделала, что заслужила ад? Позаимствовала кредитку?! За это даже срока нет, а вы в ад отправляете!

– За это есть срок вообще-то. Но я не сказал, что мы отправим тебя в ад. Все несколько сложнее. И вообще не относится ни к аду, ни к раю, ни к прочим концепциям загробной жизни. В нашей Вселенной, бесконечной и безграничной, есть два типа миров. Немагические – такие, как твой.

И магические – как мой. Немагические миры самые ценные и прекрасные. Они уникальны. Земля – настоящее чудо. То, как она сформировалась, развилась, какой прекрасной и дарующей жизнь стала. Магические миры скромнее, хотя мы и научились создавать красоту для самих себя. Но все же ее не сравнить с красотой естественной.

Поняв, что не могу проглотить больше печенья, чем уже съела, я завернула остатки в пергаментную бумагу и положила на столик. Судя по тому, что Самаэль ничего на этот счет не сказал, я справилась с задачей.

– Испокон веков жители магических миров призваны хранить и оберегать немагические миры. К сожалению, мы не можем жить на Земле вечно, мы не созданы для такого мира. И ограничиваемся лишь короткими яркими жизнями, на которые способны наши тела. Ну а после смерти этих тел души возвращаются в родной мир, и мы оцениваем, как они справлялись со своей задачей. Хранили ли вверенный им мир? Или подталкивали его к гибели? Творили добро или множили зло? Нашли гармонию в красоте природы или погрязли в потреблении? Ну и так далее.

Сказать ему, что миссия провалилась, или пусть продолжает безмятежно мчаться в загробный Хогвартс на старом поезде с пенопластовым печеньем? Для чего бы ни заселяли Землю людьми, они определенно не продвинулись в ее сохранении. Откровенно говоря, я думаю, мы даже немного ее подпортили. Местами.

– Конечно, тех, кто справился с миссией, меньшинство. Они отправляются в Элизиум – колыбель всех душ, мир света, покоя и любви.

Зато теперь понятно, почему я мимо. Спасение мира, сохранение природы и все такое – точно не ко мне. Пожалуй, выражение «погрязла в потреблении» стоило бы вставить в резюме, оно очень четко описывает ступень развития, на которой я находилась до того, как неизвестный маньяк в автобусе устроил мне встречу с Самаэлем. Или не маньяк, а кирпич. Или грипп. А может, я сдохла со скуки на очередной лекции или меня пришибло стеллажом в библиотеке.

– Самые темные и грязные души, неспособные быть хранителями, отправляются в Аид на вечные муки.

Он произнес это как-то... холодно, угрожающе и бесконечно серьезно. В Аиде не шутят, это было ясно по взгляду Самаэля. Я хоть и постаралась сдержать реакцию, все же украдкой поежилась.

– Остальные, как правило, имеют нулевую ценность. Они немного творили добро, немного вредили своим, миру и вышли в ноль. Им дается еще один шанс, они перерождаются в новом мире и снова пытаются.

– И я...

Я бы не хотела переродиться. Наверное. В этой жизни я была симпатичной. Русая девушка с карими глазами – классический образ эмигрантки из России. А если я перерожусь в мужчину? Или в какого-нибудь аборигена с экзотических

островов? Хотя уж они-то точно находятся в гармонии с природой и не оскверняют ее красоту айфоном.

– А ты – пограничное состояние. Ты не успела сгноить свою душу, однако уверенно к этому шла. Твои поступки по большей части не несли глобального вреда миру, который тебя отправили хранить. Однако они вредили душам вокруг тебя. Ты знаешь, что причинение физического увечья стоит куда меньше, чем нанесенная душевная рана? А ты, Аида, нанесла их многим. Мачехе, например.

– Ой, да я не так уж и много потратила с ее кредитки, тоже мне, душевная травма...

– Кредитка здесь ни при чем. Твоя мачеха любила тебя. Искренне о тебе заботилась. А ты? Грубила ей, сбегала, портила вещи. И за что? За то, что твой отец был счастлив с ней?

Я упрямо молчала, стиснув зубы. Любила... Сложно вспомнить времена, когда про мачеху можно было сказать, что она меня любила. И все же надо думать, моя смерть ее немного расстроит.

– Это ее убьет, – сказал Самаэль, явно подслушав мои мысли. – Ты была ее ребенком, Аида. Приемным, проблемным, порой ты доводила ее до белого каления, но она никогда не простит себе, что ее последними словами тебе было: «Лучше бы тебя никогда не было!»

– А говорили, о моей смерти никто не переживает.

– Надеялся, ты вспомнишь сама, но ты, похоже, даже не замечала ее отношения к тебе. И этот аргумент не в твою

пользу.

– А вы можете сказать ей... ну, что я в порядке и все такое? Что миссия по спасению мира провалена, но меня хотя бы не будут варить в котле с табличкой «их переходный возраст перешел в старческий маразм»?

Самаэль покачал головой.

– Нет, это невозможно. К тому же мачеха – не единственный человек, которому ты причиняла боль. Вот возьмем, например, Олив Меннинг. Ты издевалась над ней два последних года.

– Эй, не я это начала! Она называла меня русской побитой! Она ненавидит детей мигрантов. И ничего я ей не делала. Просто начала отвечать той же монетой. Не сразу, прошу заметить, а когда не вмешался никто, включая полицию, куда мачеха обратилась, когда от моего имени старшеклассникам рассылали похабные фотки!

– Верно, однако кто сказал, что чужое зло дает тебе право творить свое собственное? Но что насчет твоего отца?

– Я любила его! – воскликнула я и вскочила, не справившись с желанием вцепиться ему в волосы за одну попытку усомниться в том, что я причинила боль отцу.

Только пусть попробует сказать, что я была плохой дочерью! Я любила его, я его обожала! До тринадцати лет я была счастливым ребенком. Мы ходили в походы! Вместе строили домик на дереве. Взяли собаку. Ездили к океану, в Гранд-каньон. Мечтали однажды полететь в Россию и увидеть стра-

ну, где я родилась. Мы были счастливы, и я была хорошим ребенком.

– Ты хотела, чтобы отец принадлежал только тебе, помнишь? Не давала ему заводить отношения. Скольких девушек он бросил, боясь навредить тебе? Сколько раз ты рушила его отношения? Это любовь, Аида? Такая любовь ранит сильнее ненависти.

Украдкой (хотя как спрятаться от того, кто сидит на расстоянии метра и смотрит в упор?) я вытерла глаза.

– Ладно, скажите сразу, сколько в вашем списке имен и в чем я перед ними виновата.

– С тебя, думаю, достаточно. Я лишь наглядно продемонстрировал, что ты НЕ хороший человек. Однако всего этого недостаточно для Аида. И поскольку твои хорошие поступки не перевешивают плохие – честно, я даже потерял этот крошечный листочек с твоими добрыми делами, – то ты остаешься здесь.

– В смысле? – не поняла я. – В поезде?

Может, так становятся проводницами? И теперь я буду катать тележку с невкусным печеньем, равнодушно взирая на новопреставившихся бедолаг?

Самаэль закатил глаза.

– Здесь, в этом мире. Не в поезде, глупая ты девочка. Несколько десятков лет ты проведешь в нашем мире. Будешь прилежно работать, учиться, изучать нашу историю и по итогам работы либо отправишься на перерождение, чтобы по-

пытаться еще раз, либо в Аид – если и работа здесь тебя не изменит. По-моему, это достаточно справедливо.

Не знаю, насколько справедливо, но совершенно точно безумно. Я устало потерла глаза и подумала, что если уж умерла – то почему чувствую адскую усталость?

– И какую работу я буду выполнять?

– Пока не знаю. Посмотрим, на что ты годишься.

– А у меня будут магические силы?

– Нет, ты что, в «Гарри Поттере»?

– А драконы?

– Нет.

– А орки и эльфы?

– Нет.

– Академия магии?

– Нет.

– Истинные пары или родственные души?

– Все еще нет.

– Оборотни? Вампиры?

Кажется, сегодня впервые в истории произойдет смерть после смерти, опровергая все мыслимые и немыслимые законы мироздания. Самаэль просто выкинет меня из поезда.

– И что в вашем мире интересного?

– То, что он – твой последний шанс спасти себя. Потому что в Аиде тебе не понравится. У нас нет волшебных палочек, мантий, драконов, магических турниров и заносчивых блондинов с родословной. Зато есть Министерство мертвых,

которое отныне для тебя – дом и работа, награда и наказание. В первой половине дня будешь посещать занятия в колледже. Там тебя обучат всему, что понадобится дальше, помогут изучить новый мир. После обеда – работа в министерстве. Понятия не имею какая. Может, будешь помогать стражам, может, проводникам или вообще к Харону прикрепят. Хотя он не любит ездить в компании. Как бы то ни было, чем усерднее ты будешь учиться, чем лучше работать и чем быстрее меняться, тем скорее отправишься на Землю вновь. Это для тебя лучший вариант, Аида. Вопросы есть?

Вопросов было много.

– Где я буду жить?

– Тебе предоставят комнату.

– Что я буду есть? У меня будет зарплата?

– Мертвым не нужна еда.

– Это очень грустно.

– Да, поэтому у нас есть возможности ею насладиться. Но на них придется заработать.

– Как я пойму, что отработка закончилась?

– Тебе сообщат.

– Я могу увидеть отца?

Самаэль поперхнулся воздухом, что было странно, если вдуматься. Наверняка многие души спрашивали о своих близких.

– Нет, – отрезал он.

– Почему?

– Потому что это против правил. И я понятия не имею, где твой отец и можно ли его разыскать. Наш мир огромен. К тому же есть вероятность, что он был лучше тебя и сейчас продолжает свою миссию по спасению немагических миров. Я бы сказал, эта вероятность довольно высока, потому что лишь очень небольшой процент душ попадает ко мне.

– А посмотреть это где-то можно? Чтобы я точно знала, что с ним все нормально.

Самаэль посмотрел на меня... как-то иначе. До этого он бросал в основном раздраженные взгляды, а сейчас к раздражению примешивалось сочувствие.

– Нельзя нигде посмотреть, Аида. Вы не родственники, уже нет. Вы – две души, бесконечно друг от друга далекие. Пока что твоя память о Земле еще свежа, но постепенно она будет блекнуть. Появится круг общения в новом мире, может, друзья. Затем ты вернешься на Землю и начнешь новую жизнь. Не стоит цепляться за прошлую.

Я отвернулась к окну, чтобы не показывать слабость. Этому нечеловечески холодному мужчине, очевидно, сложно понять, что такое любить кого-то. Он легко проанализировал всю мою жизнь, сведя ее к набору плюсов и минусов, как будто мы в соцсети, а ее пользователи ставят мне лайки.

Спустя бесконечно долгие минуты Самаэль спросил:

– Он был хорошим человеком? Твой отец?

– Для меня да.

– Я спрашиваю не об этом...

– Я не знаю! – Я сорвалась почти на крик. – Понятия не имею, хранил ли он природу, спасал ли котят и чужие души. Не знаю, делал ли добрые дела и все такое. Он был мне папой. Водил меня в парк кормить уток. Покупал мороженое. Читал на ночь сказки. Выгонял монстров из-под кровати и обещал, что купит лучшее платье для выпускного. Этого, как видите, оказалось недостаточно, чтобы вырастить хорошего человека, так что я понятия не имею, зачли ли ему усилия.

Поезд резко остановился, и я поднялась.

– Куда ты? – спросил Самаэль.

– Мы же приехали, так? Это наша станция?

Со вздохом он поднялся и, выходя из вагона, я услышала тихое, но отчетливое:

– Просто не будет. Это точно.

Новый мир (я до сих пор не была уверена, что не сплю) встретил прохладой раннего утра. Я вышла на перрон, огляделась, посмотрела на сизые облака, через которые робко пробивались солнечные лучи. А потом, повернув голову в другую сторону, я увидела вокзал.

Огромный, с роскошными витражами и остроконечными башнями, свитыми из каменных веток, усыпанных шипами. Великолепный образец... даже не готической архитектуры, а какой-то... неземной.

– Как будто нейросеть попросили нарисовать фэнтези-вокзал, – пробормотала я.

Вход загораживали горгульи высотой в два человеческих

роста. Великолепная картина на фоне утренних туч и робких лучей солнца.

А вот пронесшиеся над вокзалом, полные неуместного позитива вопли немного испортили атмосферу таинственности и первые впечатления от магического мира.

– Магистр! Магистр Сонг!

Источником вопля оказался рыжий паренек, стоявший возле одной из горгулий. Он напоминал маленького шептунного щенка. Дружелюбного и эмоционального: когда парень махал, то трясся сразу весь, от потертых джинсов и до загорных рыжих кудрей. Сначала он мне понравился, но Самаэль уничтожил все дружелюбие на корню, когда мы подошли ближе.

– Аида, это Харриет, твой друг.

– А? – Я не нашла никакой более подходящей реакции.

Харриет с радостью пояснил:

– Когда новая душа попадает в министерство, ей назначают друга. Чтобы он помог адаптироваться, узнать мир лучше.

В ответ на это я предпочла промолчать. Хотя очень хотелось спросить, почему у «друга» женское имя. Я думала, так называли девочек в Британии, а не парней в загробном мире. На вид ему было лет восемнадцать, не больше.

– А как вы стареете? Если я проведу здесь несколько десятков лет, то постарею же, да?

– Нет, ты останешься такой, как сейчас. Но, хочется ве-

ритель, более умной.

Мы вплотную приблизились к горгульям, и те, пока я искала вход в здание, вдруг расступились. Медленно и неохотно, словно провели без движения долгие сотни лет, горгульи сложили крылья, подняв в воздух клубы пыли – и открыли небольшой проем в стене, в котором виднелся самый прекрасный зал из всех, что я видела.

– А... – начал было Харриет.

– Лучше молчи, – посоветовал Самаэль. – Просто поверь.

Но я уже полностью отдалась во власть впечатлений от зала и не обратила внимания на их странный короткий диалог.

Ни страшные руки, тянущиеся из тумана, ни поезд на пустынной платформе, ни рассказ Самаэля не заставили меня поверить в то, что я действительно умерла и действительно нахожусь в мире мертвых.

А этот зал – да.

Весь его потолок был огромным куполом-витражом, сквозь который на мраморный пол лился разноцветный свет. Я рассматривала картину, запрокинув голову, пока не затекла шея.

– Что это? – спросила я у спутников. – Что там изображено?

– Вельзевул коронует наследника, – ответил Самаэль.

– Кто такой Вельзевул? Звучит знакомо.

– Вероятно, в ваших мифах и легендах много имен и историй нашего мира. Души рождаются на Земле с чистой памя-

тью, но порой отголоски воспоминаний находят свое воплощение в искусстве. Видишь ли, в нашем мире живут не только души, которым требуется прийти в себя и переосмыслить свое существование, но и... м-м-м... еще одна раса. *Иные* – так их называют смертные. Те, кто по той или иной причине не может перевоплощаться и жить в немагических мирах. Посмотри на витражи в окнах.

Каждый изображал какую-то сцену, как я поняла, то ли из местных легенд, то ли из истории.

– В начале времен все было иначе. Души не осознавали своего предназначения хранителей, перерождались хаотично и едва не уничтожили несколько прекраснейших немагических миров. А иные были изгоями. Те, кто обладал способностью перевоплощаться и проживать жизни в других мирах, свысока смотрели на лишенных этого дара. И зачастую обходились с ними несправедливо. Это продолжалось до тех пор, пока не пришел Вельзевул. Он открыл в подобных себе великий дар – видеть истинную сущность души, иметь над ней власть. Он создал Элизиум и Аид, он открыл душам их истинное предназначение. Он – наш страж, повелитель и творец законов.

Первые пять витражей, очевидно, изображали приход Вельзевула к власти и создание Аида и Элизиума.

– Черные души, неспособные измениться, отравляли собой само мироздание, – задумчиво продолжил Самаэль. – Вскоре их стало так много, что они вырвались на свободу и

едва не уничтожили все вокруг. Тогда Вельзевул спустился вниз, чтобы лично запечатать врата Аида. Он стал их бессмертным стражем. И назначил заместителя, исполняющего его волю здесь. Сейчас Вельзевул правит миром, находясь у самого Предела.

– Вот это значит удаленка, а не то, что они там пытались изображать, – хмыкнула я, вспомнив свои самые странные экзамены в жизни.

– Но однажды ему придется уступить свое место повелителя. Назначить наследника, не регента, а нового повелителя. Поэтому на витражах нас окружает то, что уже свершилось, а над нами – то, что грядет. Коронация.

– Только вот у повелителя три наследника, – хмыкнул Харриет. – И мы еще не знаем, кого он выберет.

– На протяжении всей нашей истории Вельзевул выбирал себе воспитанников, но до сих пор так и не передал никому власть, так что я бы не обольщался. Все, идем дальше, надо найти тебе комнату.

Город напоминал скорее гигантский лабиринт. Все улицы, переулки, тупики и дворы были частью одного огромного здания, вокзал в котором был лишь крошечной частью. Парки обступали высокие стены, в основаниях мостов сияли остроконечные башни, под ногами от чистоты сверкала почти новенькая с виду брусчатка.

– Что-то напоминает... – пробормотала я.

– Оксфорд, – кивнул Самаэль. – Построен по образу и по-

добию Мортрума – города мертвых. Точнее, города заблудших душ. Разумеется, сходство лишь отдаленное. Мортрум – сложное магическое сооружение. Ты можешь попасть в любую точку города, не выходя из здания. Но будь в нем осторожна и старайся передвигаться по улицам. Внутренние помещения порой чудят. Лестницы исчезают, проходы закрываются... В общем, не ищи приключения на ровном месте.

– А карты вы, случайно, не выдаете?

– Нет, – отрезал Самаэль, и я разочарованно вздохнула.

Но даже если я все еще бредила, подсознание постаралось. Огромный готический город-замок! Такое сложно придумать, вообразить в деталях еще сложнее. Естественно, мне тут же захотелось как следует по нему погулять, залезть во все закутки и темные углы. Но я благо разумно оставила эту мысль при себе.

Похоже, я угадала со временем: по пути нам не встретилось ни одной живой души, как бы забавно это ни звучало. Самаэль молча шагал чуть впереди, за ним бодро семенил Харриет, а вот я то и дело отвлекалась, рассматривая новые локации, такие непохожие на скучный провинциальный городок, в котором выросла.

– В вашем мире только один город? Или таких городов-замков много?

– Мортрум – уникальный город. Но вообще есть и другие.

– В них тоже живут души?

– Души, иные. Кто только не живет, – туманно отозвался

мужчина.

Мы наконец свернули в сторону одного из двухэтажных корпусов Мортрума. Довольно невзрачный, но, как и весь город, колоритный, он оказался чем-то вроде общежития. Мне понравилось внутри. Пахло как в старой часоуенке, а длинный темный коридор с рядами одинаковых дверей напоминал... Даже не знаю, пожалуй, действительно старинный колледж. Не хватало только табличек с номерами аудиторий и портретов великих ученых.

– Это – твое жилище на ближайшее время. Первые годы тебе придется провести здесь. Потом сможешь подыскать что-то получше. Твоя дверь – последняя, слева. Вот что, Аида. На тебя свалилось много всего. Полагаю, ты еще не до конца мне поверила, и часть тебя думает, что это сон. Дай себе время. Побудь наедине с собой. Обдумай все произошедшее и услышанное. У тебя есть несколько дней. Но будь осторожна, мысли о смерти могут навредить тебе. Тебя могут мучить кошмары, видения – это нормально, ты пережила сильное потрясение. Если станет невыносимо, обратись к Харриету. Он знает, как помочь.

– Ага! – просиял рыжий. – Я погиб на «Титанике». Я определенно много знаю о стрессе.

– Он все тебе покажет, проведет экскурсию, – кивнул Самаэль. – Через несколько дней жду тебя на разговор. Покажу колледж и определю фронт работ. А сейчас я должен идти. Есть вопросы?

Вопросов был миллион, но я решила, что время для них пока не пришло. Соблазн упасть в постель и закрыть глаза в надежде, что я открою их за столом в колледжской библиотеке или в собственной комнате, или даже в раздевалке катка, был огромный. Дождавшись, пока Самаэль уйдет, я повернулась к Харриету.

– Тебе что-нибудь нужно? – спросил он. – Помощь?

– Да. Мне нужно, чтобы ты от меня отстал.

– Что?

– Ну... как бы тебе объяснить... Спасибо тебе за компанию и готовность помочь, я это ценю. Но я не люблю, когда мне навязывают друзей и заставляют с кем-то общаться. Мне не нужна нянька и уж тем более не нужен психолог. Если я заблужусь – спрошу у кого-нибудь на улице, но вообще в следующий раз просто нарисуйте карту. Все, приятель, спасибо и удачи!

С этими словами я похлопала его по плечу, открыла дверь новой комнаты и застыла на пороге.

– Точно не нужна моя помощь? – фыркнул Харриет.

– Да твою ж... мертвую задницу, – уклончиво ответила я.

Небольшая комнатуха с крохотным окном в потолке могла бы сойти за жильё на первое время (живя с мачехой, я бы согласилась и на такую, лишь бы съехать), если бы не была завалена хламом. Какие-то коробки, мешки, одежда, книги, старое пугало – вещей было столько, что я даже не сразу заметила шкаф, письменный стол и кровать.

– Это что за помойка?!

– Видимо, прошлый хозяин...

– Был мусорщиком?! Кстати, что с ним случилось?

– Отправился дальше. Точно не знаю куда, нам не говорят.

– Уверен? По-моему, он все еще может быть где-то тут,

просто под завалами не видно!

Харриет фыркнул и прислонился к косяку. Кое-как переступая через стопки газет и набитые тряпками тюки, я прошла на середину комнаты, чтобы оценить масштабы катастрофы, и поняла: катастрофа – слишком мягкое описание того, во что превратили комнату.

– А что, убираться перед прибытием новых жильцов не принято?

– Порой на это не остается времени. Ты не знаешь, сколько времени должен провести здесь. В любой момент твой страж может сообщить, что пора двигаться дальше. Никто не дает время собирать коробки. Так нужно, чтобы мы искренне старались стать лучше. Ну и не привязывались друг к другу. Когда знаешь, что в любой момент можешь уйти без прощания, стараешься не привязываться.

– Получается?

– Увы. Но в колледже этому посвящен цикл лекций. Всем новеньким именно поэтому назначают друзей. Нас обучают правильно вводить новичков в курс дела и при этом не сближаться слишком сильно. Так что, помочь? Нужно разобрать здесь все, рассортировать по коробкам, решить, что стоит

уничтожить, а что еще послужит. Можешь и себе оставить, если хочешь.

Я хмыкнула. Перспектива целый день (или что тут у них) разгребать чужой хлам не вдохновляла. Но и жить на мусорке, выкопав норку для сна, я не привыкла.

– Есть идея получше.

С этими словами я начала методично выбрасывать хлам в коридор. Сначала все, что валялось сверху, затем коробки и мешки. Связки с книгами шли последними, и парочку я все же оставила себе.

Постепенно комната приобретала более-менее опрятный вид. Старая, но добротная мебель оказалась покрыта слоем пыли. Полки местами покосились, а каменные стены замка с самой постройки не видели ремонта. Но на первое время сойдет. Сейчас немного отдохну, а потом все вымою.

– Надо же, я думала, после смерти будет что-то крутое, – бормотала я, выкатывая старый ковер. – Яркий свет или небесные врата. А не расхламление и уборка. Почему посмертие напоминает обычные выходные с мачехой?

Все это время Харриет суетился, бегая вокруг и причитая:

– Аида, так нельзя! Аида, что ты делаешь?! Это против правил!

– Вот что, названный друг... – Запыхавшись, я села на освобожденную из плена мусора кровать. – Я не просила приводить меня сюда. И не собиралась умирать в девятнадцать. То, что меня без спроса поселили в эту комнату, не

значит, что я буду прибираться за кем-то бардак. Вот вам лайфхак: чтобы следующий жилец не мучился, неделю сортируя мусор, не превращай комнату в помойку!

– Но что мне делать со всем этим?! – Он растерянно обвел руками гору в коридоре.

– Это твой хлам?

– Нет.

– Тебе поручали его разобрать?

– Нет, но...

– Ты обязан следить за тем, как я чищу зубки и укладываюсь в кровать?

– Нет!

– Тогда какие вопросы? Ты, как настоящий джентльмен, попрощался со мной и ушел. Что было дальше, не знаешь.

– Аида, это неправильно...

– Неправильно – после того, как я недавно умерла, зная, что у меня болит голова, тошнит и пошатывает, отправлять меня два дня сортировать чужие вещи. Можно было хотя бы дать выспаться и все осмыслить! Слушай, я совершенно серьезно, мне очень плохо. Можно я лягу и пару часиков вздремну?

Возмущенный донельзя, парень развернулся и унесся, как безумный рыжий вихрь, оставив меня у двери в новое жилище.

– Зуб даю, жаловаться побежал, – хмыкнула я. Но даже не испугалась. К этому моменту единственным желанием бы-

ло закрыть глаза и провалиться в сон в надежде, что, когда проснусь, мир снова станет нормальным.

Глава 2

Тут я должна была сказать, что мне приснился страшный сон, из которого я узнала, что пробудилось древнее зло. Мне бы никто не поверил, а древнее зло дочистило зубы, принарядилось и явилось в новый мир причинять страх и ненависть.

Но, увы, я спала крепко и без сновидений. Подложив под голову свернутые джинсы и свернувшись клубочком, потому что без одеяла оказалось прохладно. Но все же это был самый крепкий сон в жизни.

Точнее, в смерти.

Проснувшись, я поняла, что за окном уже стемнело. Сколько же я проспала?

Хотелось есть. Еще один минус в логику существования посмертия. Зачем душе еда? Неужели нельзя придумать магический мир, в котором девушкам не нужно убираться, готовить и умирать каждый месяц с грелкой в постели?

Я не имела ни малейшего понятия, где искать еду. Наверное, с этим мог помочь Харриет, но с утра я достаточно однозначно выразила нежелание дружить по приказу. И рыжий паренек куда-то пропал. Хотя то, что мне еще не прилетело за своеобразные методы уборки – отличный признак того, что из Харриета еще можно сделать человека.

Сидеть в комнате до скончания веков, пока кто-нибудь не

вспомнит о новенькой мертвой девочке, не улыбалось. Поэтому я оделась, кое-как пригладила растрепавшиеся волосы пятерней и выскользнула из спальни.

Хлам все еще валялся перед дверью, но мне удалось бесшумно его обойти, и уже через несколько секунд я оказалась на улице. В лицо ударил холодный пронизывающий ветер. Я сделала несколько глубоких вдохов, наслаждаясь принесшим бодрость воздухом. Посмотрела на небо, ожидая увидеть звезды, но вместо подмигивающих белесых огоньков наткнулась взглядом на совершенную тьму.

– Конечно, в мире мертвых нет звезд. – Я негромко вздохнула.

В отличие от утра, к вечеру народ выполз из норок и неспешно прогуливался по улицам. Всюду тусовались компашки самых разных возрастов, то и дело мимо проносились какие-то очень деловые мужчины и женщины в темно-красных и черных форменных костюмах. Я вышла к самой оживленной улице, оказавшейся набережной, и ахнула: в темной воде безмятежной реки отражались звезды, которых не существовало.

Приглядевшись, я поняла, что это вовсе не звезды, а крошечные огоньки, неспешно плывущие по течению. Зрелище настолько меня заворожило, что в жажде рассмотреть огоньки как можно ближе, я едва не свалилась в воду, и лишь какой-то парень в последний момент схватил меня за шиворот.

– Эй, ты дурная?! Смерть надоела?!

– Что, прости?

Я даже засмотрелась, правда. Парень оказался дюже хорош. Высокий, с черными как смоль волосами, небрежно зачесанными назад. Пожалуй, черты его лица можно было назвать правильными: прямой нос, тонкие губы, четко очерченные скулы и подбородок. А еще он был круто одет. Правда круто, так... по-фэнтезийному: во все черное, включая длинное пальто, неброско, но очень дорого, даже невооруженным взглядом понятно. На груди поблескивал большой круглый амулет – единственная яркая черта в его облике.

– Ты новенькая? – Я поняла, что беззастенчиво пялюсь.

– Да. С утра преставилась.

Тонких губ коснулась едва заметная усмешка.

– Это Стикс, – сказал он, опершись на перила. – А те огоньки – души, плывущие по жизненному пути. Когда огонек гаснет, душа переходит в наш мир.

– Красиво.

– Да, наверное.

– А ты когда умер? – Я сначала лягнула, а потом спохватилась: – Прости, это, наверное, бестактный вопрос.

– Немного. Но не в моем случае. Я никогда не жил в мире смертных и никогда не умирал. Я родился здесь. Далеко не все отправляются в немагический мир. Некоторые лишены этой привилегии. Или проклятия... Что скажешь?

– Для меня скорее проклятия. В четыре года я потеряла мать, в шестнадцать – отца. Жила с мачехой, которую нена-

видела, а потом умерла и даже не знаю как. Не похоже на привилегию.

– Может, в следующий раз повезет.

– Раз ты местный, то хорошо ориентируешься и много знаешь, да? – спросила я.

Он словно понял, что у меня на уме, но не стал отрицать.

– Мне нет равных. Я знаю об этом мире все. И за определенную плату расскажу тебе.

Рассмеявшись, я покачала головой. Разумеется. Миры вроде как разные, а законы в них одни.

– Мне нечем тебе платить. Я же новенькая, помнишь?

– Но выпить-то ты со мной сможешь? Здесь неподалеку есть неплохой бар. Разрешишь тебя угостить – я разрешу воспользоваться моими знаниями.

– А вот такая сделка мне уже нравится.

Парень протянул руку.

– Дэваль Грейв.

– Аида Даркблум.

– Будем знакомы, Аида...

При звуках моего имени его глаза странно блеснули. А может, это лишь вспыхнуло и погасло отражение чьей-то души.

Дэваль не соврал, и бар действительно оказался недалеко, вход в него прятался в небольшом тупике города-замка. Я не впервые оказалась в подобном заведении (и это наверняка добавило моей душе отрицательных баллов), но впервые очутилась в настолько необычном баре.

Изнутри он напоминал не то склеп, не то мрачный костел. Высоченные потолки, несколько уровней каменных лестниц, ниш и выступов, на которых стояли столики и диваны. Узкие остrokонечные окна и все те же витражи, правда, на этот раз с абстракциями.

Вдоль стен мерцали яркие малиновые огни, чем-то напоминающие неон, только парящие в воздухе. Гремела ритмичная инструментальная музыка. Вокруг сновали девушки с подносами и посетители. Некоторые из них были одеты так, словно явились на готическую костюмированную вечеринку, а некоторые совсем как я: в джинсах, футболках и кедах. За частью столов я увидела молодых ребят в уже знакомой красной форме.

Дэваль проследил за моим взглядом и пояснил:

– Это любимый бар сотрудников министерства. После работы часто заходят сюда расслабиться.

– И это люди запрещают мне ковыряться в носу, – хмыкнула я. – Разве пить после работы – это то, что делает душу хорошей?

– Оставь эти пафосные бредни, – фыркнул парень. – Что будешь пить?

– Кьянти. Есть у вас такое? И к нему что-нибудь мясное.

– Все, что пожелаешь. Идем за столик.

Я собиралась было занять любой свободный стол, но Дэваль неожиданно взял меня за руку и повел к одной из ниш в стене, где сидел еще один парень. В чем-то они даже пока-

зались мне похожими, разве что второй выглядел младше и растрепаннее – короткие темные волосы были всклокочены, словно он зашел в бар, побывав в урагане.

– Это Дарий, – сказал Дэваль. – Мой брат. Дар, это Аида. Возьми нам выпить. Аида хочет эссенцию и закуску. Мне как обычно.

Я даже растерялась от приказного тона, холодной ленцы в голосе Дэваля и – сильнее всего – от того, что Дарий беспрекословно поднялся и направился в сторону бара без единого возражения, лишь коротко и равнодушно мне кивнув.

– Итак, что ты хочешь знать? – спросил Дэваль.

– Все. Что это за место, почему вообще существуют два мира, что за Элизиум и Аид, кто такой Вельзевул, кто вообще решает, чья душа хорошая, а чья нет, что я тут буду делать, почему я по-прежнему хочу есть и спать, я же мертвая? И...

Я осеклась, вдруг поймав себя на мысли, что могу снова попытаться...

– И как мне найти другую душу?

Именно этот вопрос зацепил парня. Он смерил меня задумчивым взглядом и откинулся на спинку дивана.

– Душу? Ты хочешь найти здесь кого-то, кто уже умер?

– Да. Или узнать, что с ним стало. Если... Ну, если он уже отправился дальше.

– И что это за душа?

– Мой отец.

Дэваль, как мне показалось, посмотрел с уважением. А может, в темноте бара я приняла желаемое за действительное. Мне очень хотелось найти отца, и я цеплялась за любой намек от мироздания на то, что это возможно.

– Я покажу тебе место, где можно раздобыть информацию, – наконец произнес парень. – После ужина.

– Спасибо.

Дарий вернулся с подносом, на котором стояли две тарелки с мясными закусками и два бокала с совершенно прозрачной жидкостью. Похоже, в этом мире не водится кьянти, но если это водка, то я пас.

Однако, чуть пригубив напиток, я почувствовала знакомый вкус сухого, чуть кисловатого, красного вина. Должно быть, у меня на лице отразилась вся гамма эмоций, потому что Дэваль рассмеялся.

– Это чистая эссенция желаемого. Принимает тот вкус, какой захочешь. Может быть кофе или вином, а может – честолюбием, страстью или яростью. Только ты решаешь, что сегодня у тебя в бокале.

– А ты что выбрал? – спросила я, замороженная его взглядом.

– Когда-нибудь я тебе расскажу, – совершенно серьезно ответил Дэваль.

– Ой, да хватит, – подал голос Дарий, о котором я успела забыть. – Вы же не персонажи книги про шпионов. Просто идите уже в постель.

Пока я придумывала, как бы так едко ответить, Дэваль лишь небрежно махнул рукой – и брат заткнулся. Это избавило от необходимости придумывать остроуты. От напитка в голове появилась приятная легкость, а близость информации об отце пьянила сильнее любого вина.

– Так что это за мир? Я до сих пор не могу поверить в то, что мертва.

– И не надо, – отмахнулся Дэваль. – Дай угадаю: тебе рассказали про высшее предназначение, про людей, хранителей Земли и все такое. Самаэль всем впаривает эту ерунду.

– Ты знаешь Самаэля?

– Его знают все. Не слушай его. Наш мир совсем не такой, каким его представляют новичкам. И все эти пафосные речи о сохранении немагического мира – лишь способ управлять тупыми массами. Будь выше этого.

– Тогда какой ваш мир?

Мясо таяло во рту, таинственный коктейль дарил приятную легкость, и если это все же был сон, то с момента знакомства с Дэвалем он стал определенно неплох.

– Паршивый в основном, – фыркнул он.

Сделал большой глоток коктейля, посмотрел на танцующую толпу в центре зала и продолжил:

– Ладно, давай начнем сначала. Давным-давно в этом мире, полном магии, зародилась жизнь. Мир был прекрасен и чист. И первое время мы жили, не зная ни в чем нужды. Наслаждались благами, доставшимися по праву рождения, при-

родой, источниками силы, красотами и умиротворением. Ну и, разумеется, в таких условиях успешно размножались. И нас стало много. Так много, что от прежнего рая не осталось и следа. Большая часть мира превратилась в каменные джунгли типа этого города-замка. Часть мира, выжженная дотла, провалилась вниз, в подземелья, став Аидом. Уцелел лишь один кусочек первозданной красоты, названный Элизиумом. Лишь в последний момент мы сообразили, что творим со своим миром, и остановили уничтожение.

– И отправились на Землю, поклявшись не повторить ошибок?

– Не перебивай. Не совсем. Наши маги действительно обнаружили рядом еще несколько пригодных для проживания, а главное – совсем пустых миров. Землю в том числе. Мы тут же попытались их заселить, но оказалось, что в новых мирах действуют совсем другие законы. В них нет магии, источников, а еще нет бессмертия. Лишенный подпитки родного мира, человек стареет и умирает, а при переходе теряет память об истоках. Мы тяжело осваивали Землю. Ценой проб и ошибок строили общества, государства, вместе меняли мир там, а здесь искали способы быть не паразитами, а хозяевами обоих миров. Но, увы, без притока магии на Землю невозможно было жить так, как мы привыкли. А приток магии ее убивал. И тогда власть захватил Вельзевул.

– Я видела витражи на станции. И Самаэль рассказывал ваши легенды.

– Да, часть из нас не обладает способностью перерождаться на Земле. А значит, погибнет этот мир – с ним погибнут иные. Душам было плевать, они искали способ навсегда остаться на Земле, ведь она своей красотой воплощала все то, чего мы лишились. Но Вельзевула не устраивало такое положение дел, и он захватил власть.

Я прикусила язык, чтобы не съязвить. Но черт возьми! Эти люди берутся судить, как я прожила жизнь и кому навредила, а сами ничем не отличаются от собратьев с Земли. Только воюют не палками и пушками, а магией.

– С приходом Вельзевула к власти хаосу пришел конец. Первое, что он сделал, – заточил самые темные души в Аид, не дав им и дальше уничтожать миры. Затем закрыл Элизиум, ставший последним пристанищем хороших душ. Остальные отправились на Землю, и отбор продолжился уже там. Лучшие попадают в Элизиум, худшие – в Аид, среднячки отправляются обратно или работают здесь, чтобы обеспечить работу этой огромной магической машины. По замыслу Вельзевула, снова и снова отсеивая темные души, мы сохраним оба мира и в конечном счете будем жить припеваючи.

– Ты, похоже, не очень-то в это веришь? – спросила я.

– А ты?

– Ну... мы определенно в начале пути. Но почему бы и нет? Вдруг сработает.

– Те, кто пошел за Вельзевулом, так и думали. Но вот мы здесь, и вместо двух райских миров бежим в колесе, кое-как

сохраняя баланс. А Вельзевул выбирает наследника. Невольно закрадываются определенные мысли. Может, сказка про Элизиум – лишь способ удержат власть иных?

Дэваль вдруг неожиданно поднялся, так и не допив коктейль. Следом поспешно вскочил его брат.

– Идешь? – спросил меня пареньь.

– Куда?

– В место, откуда ты сможешь начать поиски.

– Я поняла, но что это за место? Какой-то архив? Это законно?

– Нетерпелива, как и все недавно вернувшиеся. – Дэваль нарочито театрально зевнул. – Скоро увидишь. Тебе понравится.

Мы вышли из бара и двинулись вдоль набережной, куда-то в сторону вокзала. А может, мне только казалось, что мы идем туда. Им действительно не помешает карта.

Всю дорогу Дарий угрюмо молчал, а вот Дэваль щедро делился знаниями.

– Министерство мертвых занимается распределением душ. Кто-то отправляется на Землю, кто-то – возвращается с нее и ждет решения о дальнейшей судьбе. Есть судьи, они как раз и оценивают, достойна ты Элизиума или еще нет. Есть стражи, они следят, чтобы сосланные в Аид души отправлялись по назначению и не вырывались на свободу. Есть магистры – они преподают в колледже и обучают эту толпу.

– И все? Весь мир – огромное министерство?

– Нет, разумеется. Ты забыла, что среди нас много иных? И они не собираются отдавать свой кусочек Элизиума.

– Хорошо, а деньги? Мы не расплатились в баре. Только не говори, что у вас все общее и справедливо поделенное. Судя по тому, что я видела на Земле, нам просто нужны внешние стимулы, чтобы вести себя прилично.

Я не стала упоминать, что уж кому-кому, а мне они нужны в тройном размере.

– Денег у нас действительно нет, – согласился Дэваль. – Но мы нашли способ лучше. Ты имеешь право на привилегии, только если работаешь. Работаешь – можешь позволить себе жилье получше, заходить после работы в бар или посещать театр. Работаешь плохо – лишаешься части привилегий. Вот и все.

– Звучит жутко, – скривилась я. – Так поэтому мне досталась каморка по соседству с многодетной семьей тараканов? Потому что я еще нигде не работаю?

– Ага.

– А ты где работаешь?

Дэваль усмехнулся.

– А кто сказал, что я работаю?

– М-м-м... дай подумать. – Я сделала вид, будто напряженно размышляю. – Ты угостил меня в баре, неплохо одет и причесан. Не похоже, чтобы ты жил под мостом.

– У меня богатая семья.

– Сам сказал, у вас не существует денег.

Он посмотрел очень серьезно, я даже немного смутилась.

– Деньги – это не богатство, Аида.

А затем умолк, дав понять, что развивать эту тему нет смысла – все равно ответов не получу.

– Значит, судьи решают, кто хороший, а кто нет? А если они ошибаются?

– Они не ошибаются, – улыбнулся Дэваль. – Поверь.

Вскоре мы свернули с набережной куда-то вглубь, на узкие темные улицы, освещенные лишь тусклыми фонарями. Здесь было куда меньше прогуливающихся, и я ощутила себя не в своей тарелке. Одна, с двумя мрачного вида парнями.

– А умереть здесь можно? Удариться головой, например, или подхватить смертельную болячку? Или раз уже умер – живи спокойно, бейся на здоровье?

– Вообще, мы бессмертны. От удара головой ты не умрешь, но будешь чувствовать боль. Мало приятного. Убить нас тоже сложнее, однако... способы есть. Тебе не стоит лезть в эти дебри. Так ты быстрее в Элизиуме не окажешься.

Улочки неожиданно для меня превратились в огромный крытый павильон, полный зелени и аттракционов. Зрелище одновременно красивое и пугающее: среди пышных деревьев виднелось колесо обозрения, какие-то качели, карусели, скульптуры и ларьки.

Когда-то парк наверняка был прекрасен. Я могла представить залитые сиянием аттракционы, детский смех, запах

попкорна и сладкой ваты. Сердце забилося быстрее: вспомнилось, как папа водил меня в луна-парк. Жаль, что здешний оказался заброшен. Природа отвоевала свое, обвила плющом ржавое железо, оттеснила деревьями проходы к каруселям. Превратила роскошный парк в наглядную иллюстрацию того, что ждет Землю, если ее хранители продолжают в том же духе.

– Что здесь случилось? – спросила я. – Почему парк забросили?

– Никто не знает, – ответил Дэваль. – Когда-то это место любили. А потом он как-то сам собой превратился вот в это. Периодически кто-то пытается возродить его, но пока безуспешно. Мне здесь нравится. Успокаивает.

Я украдкой покосилась на его брата, молча следовавшего за нами, но Дарий выглядел абсолютно равнодушным.

– И зачем мы здесь? Я думала, ты покажешь мне место, где можно поискать информацию об отце.

– Покажу, – кивнул Дэваль. – Не бойся. В архиве ты ничего не найдешь, Самаэль же не дурак. А ты не единственная душа, которая скучает по родным. Идем.

Он вновь схватил меня за руку и потащил куда-то вглубь парка, подальше от приглушенного шума центральных улиц, мимо карусели с порванными цепями, что раньше давали ни с чем не сравнимое чувство полета. Грустное зрелище разбитых детских надежд.

– Постой, а как же дети? Я правильно все поняла: душа

отправляется на Землю, и там рождается ребенок. Затем он взрослеет и становится либо хорошим человеком, либо плохим. Старее, умирает – ну, или его переезжает автобус – и вот он здесь. А если умирает ребенком? У вас нет детей здесь?

– Думаю, тебе лучше спросить у Самаэля, – холодно откликнулся Дарий. – Объяснять такие вещи – его работа, в конце концов.

Я даже вздрогнула, не ожидая, что молчаливый послушный брат Дэваля вдруг подаст голос.

Через весь парк, петляя между аттракционами, пролегла старая железная дорога для вагончиков. Должно быть, это было что-то вроде обзорной экскурсии по парку: ты садился в яркую кабинку, и она неспешно возила тебя по всему празднику жизни, соблазняя заглянуть в каждый его уголок.

Сейчас дорога заросла травой, хотя с виду пострадала не так сильно, как некоторые карусели.

Вскоре обнаружился и паровозик. Побитые временем кабинки еще стояли на рельсах, но уже вряд ли были способны куда-то ехать. Казалось, словно после очередного рейса пассажиры вышли, а паровозик так и остался в конечном пункте навсегда.

Рельсы вели дальше, куда-то в темные недра шатра с выцветшей надписью «Лабиринт настоящего ужаса» – еще одним любимым многими аттракционом.

Не мной.

В детстве я умоляла папу дождаться первого вагончика. Мы могли отстоять две или три очереди, только чтобы быть первыми и занять то самое место, где не мешали чужие головы. Где ощущение сердца, уходящего в пятки, самое сильное.

Поддавшись порыву, я подошла к вагончикам и забралась в самый первый. Металл жалобно звякнул, но я вдруг почувствовала прилив сил, словно парк истосковался по благодарным посетителям.

Закрыв глаза, я положила руки на перила и дала себе волю представить, что найду здесь папу и однажды мы придем в парк, чтобы прокатиться на всех его аттракционах. Непременно в первом вагончике.

Раздался противный скрежет. Запястья обвилось что-то холодное, сдавив слишком сильно, до боли. Я открыла глаза и увидела кандалы, выросшие словно из ниоткуда и приковавшие меня к поручням.

– Эй! Дэваль! – Я обернулась, чтобы позвать на помощь. – Что это такое?!

На его губах играла усмешка.

– Это же лабиринт страха. Жертва не должна убежать.

– Очень смешно! Выпусти меня или найди того, кто открывает эту рухлядь.

Парень подошел ближе. Хотелось верить, чтобы освободить меня, но чутье подсказывало, что скорее позлорадствовать.

– Я же тебе обещал показать место, где ты сможешь найти отца. Удачной поездки, Аида!

– Когда я освобожусь, тебе конец! – рыкнула я, безуспешно дергая руками.

– Кто сказал? – Дэваль склонился так, что я почувствовала его дыхание на шее. – Что ты освободишься? Ищи папу хорошо, Аида. У тебя всего одна попытка.

Он обладал поистине нечеловеческой силой. Казалось, ему не составило труда подтолкнуть паровозик, который весил, наверное, с тонну. Вагончики нехотя сдвинулись с места, наполнив пространство заброшенного парка скрежетом. А затем бодро покатались к темному нутру шатра.

– Да что я тебе сделала?!

Вместо ответа Дэваль издевательски помахал рукой. Мне показалось, Дарий стыдливо отвел глаза, когда я на него посмотрела, но потом полы шатра сомкнулись за последним вагончиком, и я осталась совсем одна в пугающей тишине.

– Ну разумеется, – вздохнула я. – Симпатичный парень приглашает тебя в бар, только чтобы связать и поиздеваться. Ты что, не ходила в старшую школу?

Можно сказать, еще повезло: в нашей, например, неудачников поили на какой-нибудь вечеринке, раздевали до трусов и оставляли в учительской, в ожидании, когда бедолага проснется с жутким похмельем и обнаружит, что до момента позора всей жизни остались считанные минуты.

А я даже одета. Высвободиться, правда, не могу, руки на-

мертво прикованы к поручням. И вагончик катится в какие-то непонятные места. А так все супер.

Лабиринт страха мира мертвых ничем не отличался от стареньких аттракционов мира живых. Все те же ростовые фигуры привидений, оборотней и кровожадных монстров, все те же затянутые паутиной углы. Жутко, но не столько от антуража, сколько от заброшенности.

Музыка если и была, давно утихла. Света почти не было, редкие свечи слабо мерцали вдоль стен. Вагончики неспешно катились по железной дороге с таким скрежетом, что я не сомневалась: скоро кто-нибудь услышит, придет проверить, вытащит меня и как следует втащит Дэвалю, будь он проклят.

Может, мы встречались в земной жизни и я ему эту жизнь испортила?

Нет, вряд ли, он вроде как иной.

Может, он просто ненавидит всех, кто способен на перерождение, и гадит как умеет? Вполне вероятная версия.

Вскоре выяснилось, что умеет он все же неплохо. Сначала антураж вокруг изменился неуловимо, едва-едва. Реже стали появляться скелеты в драных плащах, щедро декорированные решетками, потеками крови и паутиной стены сменились темным камнем, напоминающим своды пещеры. В один момент вагончики свернули с основного пути на одно из боковых ответвлений и нырнули в узкий коридор.

Теперь мы ехали ощутимо быстрее, под уклоном. Я все-

ръем испугалась, побелевшими пальцами вцепившись в поручень. Ничем не сдерживаемый, поезд набрал сумасшедшую скорость, а потом резко – я больно ударилась коленкой – остановился.

И сковывающие запястья кандалы исчезли, словно их и не было.

– Конечная, – пробормотала я. – Приехали.

Пахло сыростью и плесенью. Где-то вдали капала вода. Звонящая тишина казалась неестественной, пугающей и тревожной. Как будто подземный темный мир замер, почуяв чужака.

Я осторожно вылезла, пытаясь рассмотреть во тьме хоть что-то. Самым очевидным решением было бы подняться назад по путям, благо я не так долго ехала, чтобы не запомнить дорогу. Но что-то толкало вперед. Туда, во тьму неизвестности, где нечто притягательное манило и звало.

– Аида... – пронесся по подземелью свистящий шепот.

– Беги отсюда, дура! – Мне хотелось услышать собственный голос, чтобы убедиться, что он еще существует. Что я не стала бесплотным призраком странного мира. И все происходящее сейчас – реальность.

Сделав несколько неуверенных шагов вперед, я услышала шепот снова. Уже отчетливее, настойчивее.

– Есть здесь кто-нибудь?

Если кто и был, то предпочел не ответить.

За первым же поворотом оказалась лестница, уходящая

далеко вниз. Достаточно широкая и добротная, чтобы я решилась спуститься. Вдоль массивных каменных ступеней горели тусклые свечи, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся чем-то вроде резных кристаллов. Золотое, с легким красным отливом пламя внутри их придавало лестнице немного зловещий вид.

Странно, но животного страха, заставляющего бежать сломя голову от неизвестности и темноты, не было. Сердце стучало в груди, немного дрожали руки, но любопытство гнало вперед.

Лестница заканчивалась массивной каменной дверью, усыпанной неизвестными символами, будто нацарапанными чем-то острым. По бокам расположились две каменные горгульи, такие же, как мы видели на вокзале. Их копыта преграждали путь к двери, но едва я приблизилась, изваяния с видимым усилием, издавая грохот, рокот и поднимая в воздух клубы пыли, расступились и опустили орудия.

– Это приглашение?

Разумеется, горгульи не могли ответить.

Постояв еще несколько секунд и не сумев уговорить себя вернуться наверх, я осторожно коснулась холодного камня.

Медленно, словно их не открывали уже много веков, двери открылись, впустив меня в огромный, залитый серебристым светом зал.

Он поражал воображение размерами и величием. Ввысь вздымались острые пики колонн, соединенных витражами.

Проходя через цветные стекла, свет распадался на сотни зайчиков, разукрашивая пространство в магические цвета. В дальнем конце зала, на небольшом постаменте, я заметила одинокую мужскую фигуру.

Я не почувствовала явной угрозы от него, но поняла, что невольно нарушила уединение. Потому что он обернулся и застыл.

– Здравствуйте... – осторожно произнесла я.

– Что ты здесь делаешь?! – Его голос пронесся по залу, затерялся в высоких сводах потолка.

– Я... наверное, заблудилась.

– Это место невозможно найти случайно.

– А что это за место? И... может, представитесь?

Фигура медленно поднялась, спустилась с постамента и приблизилась. Это оказался мужчина. Высокий, метра под два ростом, довольно жуткий, но не внешне – я бы даже назвала его вполне симпатичным блондином. Но все в его облике, начиная от странных, залитых бесконечной тьмой белков глаз и заканчивая излишне вычурным серым камзолом с уже знакомой (я видела похожие символы на двери) вышивкой наводило на нехорошие мысли.

Я решила не прикидываться идиоткой.

– Вы – Вельзевул, так?

На его лице будто бы промелькнуло удивление. Достаточно сложно понять эмоции собеседника, если у него нет глаз как таковых.

– А ты – Аида Даркблум.

– Вы меня знаете?

– Я знаю обо всех душах, что предназначены нашему миру. Ты не должна здесь находиться. Это запретное место.

– А что это?

Дальняя стена, та, перед которой я и нашла повелителя мертвых, мерцала, напоминая застывший во времени водопад.

– Граница между Аидом и миром мертвых. Темный Предел. Последний рубеж, разделяющий тех, кто еще способен заслужить свой Элизиум, и тех, кто обречен на вечные муки. Там, – он указал на мерцающую стену, – за завесой, самое страшное место во всей Вселенной. Однажды ступив на темную землю, ты потеряешь шанс на свободу. Станешь одной из темных душ. Кто привел тебя сюда, Аида?

Я упрямо поджала губы. Нет уж, отдавать привилегию отомстить Дэвалю я не намерена. Разберусь с паршивцем сама, без вмешательства высших сил.

Но Вельзевул ждал ответа.

– Я набрела на заброшенный парк наверху. Села в вагончик, чтобы полюбоваться, а он вдруг поехал и привез меня сюда.

– Из парка нет выхода в это место.

– Я не вру. Припарковалась прямо у лестницы, можете проверить.

– Дело не во лжи, – усмехнулся Вельзевул. – А в том, что

тебе как-то нужно выбраться.

– Вы меня просто отпустите?

– А что я с тобой должен делать? Сожрать? – хмыкнул он и сразу стал казаться намного человечнее. – Ты не заслужила отправиться в Аид. Но... – Он подарил мне долгий внимательный, пронзающий насквозь взгляд. – Уверенно идешь этой дорогой. Может, мироздание привело тебя сюда не случайно?

Я пожалала плечами, чувствуя, как начинаю злиться. Почему каждый в этом мире считает своим долгом напомнить, какой стервой я была? Почему нельзя просто – раз уж вы дали человеку второй шанс – забыть о прошлом и смотреть на настоящее?

Хотя в настоящем я выкинула чьи-то вещи в коридор, отказалась дружить с позитивным пареньком и пила в баре с парнем, который отправил меня на ржавом поезде напрямиком в ад.

– Вот именно, – сказал Вельзевул.

Я подскочила.

– Вы читаете мысли?!

– Только те, что слишком громко думают. В твоем случае – все. Ты очень громкая и заметная, Аида. Любишь привлекать к себе внимание. Напоминаешь мне моего сына.

– Он тоже здесь?

– Мои дети предпочитают жить наверху, со смертными и иными. Уверен, ты уже познакомилась с Дэвалем.

– А... сын Вельзевула, – разочарованно протянула я. – То есть убивать его совсем нельзя, да?

– Совсем – нельзя. Немного разрешаю. Идем, без моей помощи ты не выберешься. Но я даю шанс на ошибку лишь однажды, Аида. Оказавшись перед Пределом во второй раз, ты будешь должна в него войти.

Я поежилась и поспешно кивнула. Перспектива оказаться в аду откровенно пугала. Хотя... посмотреть хоть одним глазком, как оно там, страшно хотелось. Но я вспомнила, что Вельзевул читает громкие мысли, и постаралась думать о чем-то более приятном.

Например, о том, как убью Дэваля, когда выберусь.

– Почему ваш сын меня невзлюбил? Я ведь его даже не знаю.

– Боюсь, что я тоже. Много лет назад я отдалился от детей. Спустился сюда, нести службу Стража Предела. Я почти не выхожу из этого зала. И Дэваль, вероятно, обижен. Но такова судьба наследника Вельзевула.

– А Дарий? Он тоже ваш сын?

Следом за повелителем я прошла к узкой дверце в дальней стене. Несколько мгновений нас окружала кромешная тьма, а потом вдоль узкого тоннеля зажглись алые свечи.

– Младший, – кивнул Вельзевул. – Для новенькой в нашем мире ты удивительно быстро познакомилась с моими детьми.

Или они познакомились со мной. Не просто же так Дэваль ко мне подошел. А если у него такое хобби – ловить по ночам

девиц и запускать их в ад, то с таким повелителем нам хана раньше, чем Земле.

Но эти мысли я тоже оставила при себе. Впрочем, возможно, только я так думала.

Невольню вспомнился дом. Что сейчас делает мачеха, интересно? Похороны уже прошли? Был ли на них кто-то из тех, кого я называла друзьями? Вот это уж вряд ли. Может, кто-то с катка зашел попрощаться. По льду я буду скучать. Увы, моя карьера профессиональной фигуристки не сложилась. Всегда был кто-то талантливее, кто мог быстрее, выше, сильнее. Мне лишь пару раз удалось выступить на чемпионате страны, а потом умер отец, и жизнь безвозвратно изменилась. Я еще ходила на тренировки, которые мачеха исправно оплачивала, но никто уже всерьез не ставил мне программы, не следил за весом и не рассчитывал на мое участие в соревнованиях. И мне было плевать.

Запишут ли тренера, которого я разочаровала, в список моих плохих поступков?

И все же я буду скучать по катанию. По тому, как легко скользят наточенные лезвия, как тело само ведет тебя в танце, по короткому ощущению полета в прыжке. Лед – то небольшое, что оставалось со мной до конца.

Мы шли недолго, не больше десяти минут, но при этом постоянно петляя. Порой я не замечала очередной тоннель до тех пор, пока Вельзевул не указывал на него. Пришлось признать правоту повелителя: одна я бы не выбралась. Оста-

новившись перед очередной дверью, Вельзевул сказал:

– Здесь я должен тебя покинуть. Ты не заблудишься, если не станешь сходить с лестницы. Отнесись к этой просьбе серьезно, Аида. Эта часть нашего мира довольно опасна. Второй раз я на помощь не приду.

– Как-то я по дороге сюда не заметила, – нервно улыбнулась я. – Если не считать опасными ростовые куклы монстров в лабиринте.

– Порой во тьме таится всякое... – загадочно отозвался повелитель и подпихнул меня к лестнице.

Уже когда я, кивнув в знак благодарности, поднималась на первые ступени, в спину мне донеслось:

– И в лабиринте нет ростовых фигур. И никогда не было. Ладно, я прониклась!

Так прониклась, что даже не помню, как взлетела по довольно длинной лестнице. Массивная дверь поддалась с трудом, а потом в лицо ударил холодный ночной воздух. После непроглядной тьмы подземелий глаза не сразу привыкли к яркому свету: оказалось, я вылезла в небольшом дворике, одном из тысяч в огромном городе-замке.

Самаэль определенно знал, о чем говорил, когда советовал передвигаться по улицам. Вот так перепутаешь дверь и вместо бара отправишься в ад.

К слову, он-то меня и встречал. А вместе с ним суевающийся Харриет и мрачно-недовольный Дэваль. Кажется, кому-то влетело. И, кажется, влетит мне.

Но вместо того чтобы устроить показательную порку, Самаэль тяжело вздохнул:

– Харриет, проводи Аиду домой. Завтра утром ты должна быть в колледже без опозданий. Пожалуйста, постарайся не вляпаться в очередные неприятности. Я надеюсь, ты сделала выводы из сегодняшнего инцидента.

Мне бы как послушной девочке, усвоившей урок, потупить и сказать «Да, Самаэль», и я честно так и собиралась поступить. Но при виде Дэвала хорошая девочка куда-то исчезла и уступила место обычной.

Проходя мимо парня, я остановилась и посмотрела в наглые бесстыжие глаза. Едва заметно, чтобы не бесить Самаэля, он усмехнулся. Смотрел с вызовом, мол, ну и что ты мне сделаешь? Хотя гораздо интереснее был вопрос: «Что я уже тебе сделала?»

– Это война, – улыбнулась я. – И тебе лучше в нее не ввязываться.

– Посмотрим.

Что может быть безумнее, чем вступить в противостояние с сыном Вельзевула?

Ответ – все, что случилось потом.

* * *

– Впечатляет? – Самаэль Сонг устало опустил в кресло. Единственным источником света в кабинете был затухаю-

щий камин. Повелитель слишком много времени проводил у Предела, яркий свет причинял ему боль. А вот на Самаэля полумрак оказывал усыпляющее действие. Впрочем, лишь потому, что он смертельно устал.

– Ты несправедлив к ней. Какой еще могла вырасти девочка в таких условиях?

– Доброй, скромной, вежливой и благодарной.

– Я думал, работа в министерстве выбила из тебя наивность, мой мальчик. Она не беспомощна. В нашей ситуации это не так уж и плохо. Что она сделала с его вещами?

– Выбросила в коридор, не посмотрев.

Вельзевул с удивлением хмыкнул. Самаэль не всегда понимал его, да и не особо стремился. Кажется, ему даже понравилась реакция Аиды на хлам в ее комнате.

– Дэваль может стать проблемой, – сказал повелитель.

– Дэваль уже проблема, если ты не заметил. Он не собирается мириться с ее присутствием. И начал он не с невинных шалостей. Он мог ее убить.

– Думаю, он понимал, что так просто не выйдет. Но ты прав. Пора заняться его воспитанием.

– Я так понимаю, – Самаэль усмехнулся, – ты имеешь в виду, пора мне заняться его воспитанием.

– Уверен, у тебя в арсенале множество способов.

Однажды он бросит все и уедет. Куда-нибудь, как можно дальше отсюда. Прочь от министерства, от душ и иных, от Вельзевула и Дэваля. Пусть закрыт путь на Землю, он най-

дет в этом мире нетронутый уголок и наконец-то вздохнет полной грудью.

Не сегодня.

– И еще... – Вельзевул на несколько секунд замолчал, словно колебался. – Сделай для девочки каток.

– Потакая ее капризам, ты рискуешь превратить Аиду в монстра.

– Она же мое дитя, – грустно улыбнулся Вельзевул. – Как я могу удержаться?

Со вздохом Самаэль поднялся. Скоро вернутся Дарий и Дэваль. Ему еще предстоит озвучить братьям, какие веселые месяцы их ожидают в наказание за издевательства над Аидой. И что-то подсказывает, что повеселятся все. Даже как-то несправедливо: Самаэль ей ничего не сделал, а тоже будет страдать.

– Береги сестренку, сын, – напоследок сказал Вельзевул.

Самаэль лишь отмахнулся. Иногда он понимал брата в его злости на отца. Они все испытывали одинаковые чувства. Разница лишь в том, что Дэваль не научился с ними мириться.

Глава 3

В выходке Дэваля был один плюс: решив, что страданий с меня достаточно, Самаэль передал комплект постельного белья и слегка потасканное одеяло с подушкой. А вот хлам из коридора не убрали, так что, пробираясь в темноте к своей камерке, я несколько раз наступила на что-то громкое, на что-то хрупкое и на что-то мягкое. Не удивлюсь, если где-то в этой куче обнаружится и что-то живое.

Ночь на нормальной постели, под теплым одеялом, после сразу двух (а если считать не только смерть и знакомство с Вельзевулом, но и комнату, заваленную хламом, то трех) стрессов прошла великолепно. И хоть я так и не поняла, почему бессмертие и способность перерождаться в ином мире нам выдали, а умение обходиться без сна и еды – нет, наутро почувствовала себя почти счастливым человеком.

Пока в дверь не постучали.

– Надеюсь, это кофе и круассан, а недохлая крыса от Дэваля, – вздохнула я, сползая с постели.

На пороге мялся Харриет.

– А, это ты.

– Уже встала? Хорошо. У нас полчаса до занятий, тебе еще надо познакомиться с магистром Сонг, взять учебник, ну и вообще немного осмотреться. Вот, одевайся. Отсюда недалеко, но скоро зарядит дождь. Хочу успеть до него.

– А под крышей пройти нельзя?

Харриет пожал плечами.

– Я никогда не пробовал. В городе много закрытых дверей. В некоторые коридоры не стоит соваться.

– Да, я помню. Что это такое?

Парень настойчиво протягивал мне какой-то сверток.

– Форма. Все студенты колледжа должны носить форму, чтобы в министерстве каждый знал – это новенькие.

Внутри свертка, вопреки моим ожиданиям чего-то ужасного вроде клетчатой юбки, дурацких гольфиков и рубашки, обнаружилось вполне сносное малиновое платье-кейп по фигуре. Там, где плечи переходили в рукава с разрезами, была приколата небольшая брошь с причудливым символом, похожим на те, что я видела внизу.

– Что он значит?

– Не знаю. Это древний язык иных.

Я переоделась и посмотрелась в зеркало. Поежилась: в узком платье было непривычно и неудобно.

– Какой смысл в такой форме?

– Министерство мертвых – сердце нашего мира. В нем должен быть порядок. Тебе еще нужно собрать волосы, за распущенные магистр Сонг сделает выговор.

– Самаэль? – фыркнула я. – Ему, кажется, только повод дай.

Но взяла шпильки и принялась делать пучок, благо действие за годы выступлений в спорте было отточено до совершенства.

шенства.

– Не Самаэль, – Харриет покачал головой, – а Селин. Магистр Селин Сонг. Она – директор колледжа.

– Сестра?

– Жена.

Я присвистнула. У мрачного главы министерства есть законная супруга. Любопытно взглянуть.

– То есть у вас есть семьи?

– Конечно.

– И вы ходите на свидания? Целуетесь? Занимаетесь сексом?

Парень слегка покраснел, но стоически выдержал мой допрос.

– А почему бы нам этого не делать?

– Ну... не знаю. Вы же бессмертные души. Вас должно волновать, как попасть в Элизиум или как не отправиться в Аид. А вы: жены, свидания, секс. А дети? У вас рождаются дети?

– Очень редко. – Мне почудилась в голосе Харриета грусть. – Повелитель считает, мы наказаны за то, что сотворили со своим миром. И недостойны плодиться.

– Жестоко. Так, я готова, идем.

Мы вышли на улицу под накрапывающий дождик. Я старалась не поскользнуться в новых балетках на брусчатке, а Харриет несся так, словно спасался от стаи голодных волков. Злобно сопя ему в спину, я мрачно думала, не связана ли его

нелюбовь к воде с гибелью на «Титанике». Но вновь – как-то часто это в последнее время выходит – решила не делиться идеями вслух.

– Слушай, а я все равно не понимаю, как у вас тут все устроено. Вот смотри, есть душа. Раз вы не можете делать детей, значит, душа появилась давно, так?

– Ну?

– Душа отправляется на Землю, где живет жизнь смертного. Потом умирает, возвращается сюда, и вы решаете ее судьбу, так?

– Да-а-а...

– Душа помнит о своей жизни здесь? Я вот ничего не помню, и все вокруг для меня шок. Почему? Это мое первое воплощение на Земле? Так это не сходится с тем, что у душ не рождаются дети. Почему моя внешность осталась такой же? А ты? Ты прожил несколько жизней или одну?

– Лучше задай эти вопросы магистру Сонг, – как-то слишком поспешно отмахнулся Харриет. – Она умеет объяснять.

– Ладно. А сколько мне вообще здесь торчать? Время здесь течет, как и на Земле, или иначе?

– Оба мира живут по одному времени.

– То есть ты здесь уже... э-э-э... сколько лет? Когда затонул «Титаник»?

– Аида, говорить о чужой смерти неэтично! – взорвался парень. – Давай ты ускоришь шаг, я ненавижу дождь!

– Платье узкое, – пробурчала я. – Надень такое же, потом

поговорим.

Но, к счастью, вскоре мы свернули к одному из корпусов с огромной вывеской «Колледж мертвых» над центральной дверью.

В следующее мгновение на меня обрушился гул десятков голосов. Студенты заполнили огромный холл. Сидели на подоконниках, общались, смеялись, о чем-то перешептывались, зубрили учебники и судорожно переписывали друг у друга задания. Девушки в платьях, похожих на мое, парни в черных костюмах – очередное подтверждение тому, что все миры принадлежат мужчинам.

– А ты почему не в форме? – Я повернулась к Харриету, который явился с утра в светлой рубашке и джинсах, судя по потертостям, пережившим крушение вместе с хозяином.

– А я и не студент. Я давно окончил колледж. Я всего лишь должен все тебе показать, довести до класса и забрать после занятий, чтобы ты не заблудилась. И, знаешь ли, это не то чтобы почетная обязанность после того, как ты вчера ясно дала понять, что не желаешь дружбы со мной.

– Надо же, какие мы чувствительные, – фыркнула я.

Широкая лестница с уже знакомыми (но абсолютно неподвижными) горгульями у основания вела наверх, в учебные классы и библиотеку, где мне выдали учебник без названия, небольшую тетрадь, ручку и расписание.

– Ого, все серьезно, – пробормотала я.

– До обеда ты в колледже. Учишься, прилежно выполня-

ешь задания, осваиваешься. После обеда – работаешь в министерстве. Я встречу тебя после занятий и покажу, куда идти. Все понятно?

– Да, мой господин.

Харриет снова покраснел. Это даже мило.

Итак, я в колледже мира мертвых. У меня в расписании история, управление энергиями, теория стражи и еще куча каких-то подозрительных предметов, а вокруг – совершенно незнакомые лица. Вряд ли позитивно настроенные. Я же помню Дэваля.

– Ладно, найдем для начала кабинет общих лекций под номером восемь, – пробормотала я.

Харриет унесся на работу: оказывается, он впахивал в министерстве, как положено, с утра и до вечера. Странный все же парень. Погиб на «Титанике» больше ста лет назад и до сих пор зависает здесь. Не любит воду (хотя это объяснимо). Носит женское имя (хотя это не так уж страшно). И послушно выполняет приказы Самаэля, таскаясь за мной, даже имея вполне явную нескрываемую обиду.

Очень странно.

Я бродила по колледжу, слегка опасаясь в поисках нужного кабинета снова забрести в Аид. «Тренировочные залы», «Лаборатории», «Крыло практических занятий» и, наконец, «Крыло общих лекций». Из-за восьмой по счету двери доносились приглушенные голоса. Взглянув на часы, висевшие на стене, я убедилась, что до занятия осталось несколько ми-

нут, и заглянула в аудиторию.

– Можно? – спросила я.

Красивая рыжеволосая женщина лет тридцати на вид сидела за преподавательским столом и быстро что-то строчила в тетради. Такой же, как держала я. Она подняла голову и улыбнулась.

– Аида Даркблум?

Я почувствовала, как ледяной ветер пронзает насквозь. Я уже видела ее раньше. Я говорила с ней. Я...

Дверь захлопывается у меня за спиной с оглушительным грохотом.

– Не беспокойся! – язвительно кричу я. – Больше ты меня не увидишь!

Сбегаю по лесенкам и несусь прочь от проклятого дома, осточертевшей мачехи. Будь проклята эта женщина! До ее появления моя жизнь была идеальной. Был жив отец, мы ни в ком не нуждались. Мачеха – как черная метка над некогда счастливой семьей. Если бы кто-то подарил мне хоть одно желание, я бы загадала, чтобы этой женщины никогда не существовало.

Тыльной стороной ладони я вытираю набежавшие на глаза слезы. Телефон остался в доме, там же и куртка. Я ежусь от промозглого холода и накрывшего город тумана. Не лучшая погода для побега из дома, но вернуться смерти подобно. Пока я размышляю, как быть дальше, рядом оставливается тачка.

– Подвезти? – спрашивает милостивая рыжеволосая женщина.

– У меня нет денег, извините.

– Поэтому и предлагаю, – улыбается она. – Проблемы дома?

– Вы же не из полиции? И не из службы опеки?

– Нет. Всего лишь преподавательница малоизвестного колледжа. Заезжала в ваш городок по работе. Кажется, собирается дождь. Так тебе нужна помощь? Садись.

Мне так не хочется идти пешком или застрять посреди города в непогоду, что я с готовностью обхожу машину и прыгаю на пассажирское сиденье. Красотка терпеливо ждет, пока я пристегнусь, а потом трогается с места.

– Куда тебе?

– Плевать, – выдыхаю я. – Лишь бы подальше.

– Не лихо? Семья может бесить, знаю по себе, но это ведь семья.

– Ты что, предложила помощь, чтобы меня воспитывать?

Она смеется и на секунду выпускает руль, чтобы поднять руки, сдаваясь. Я прислоняюсь лбом к холодному стеклу и отрешенно наблюдаю, как первые капли дождя неторопливо стекают вниз, оставляя дорожки.

– Голодная?

– Нет, спасибо.

– Не хочешь рассказать, что стряслось?

– И снова нет.

– Как знаешь.

Мы молча едем прочь, оставляя позади мое прошлое. Я пытаюсь понять, что буду делать дальше, как буду строить свою жизнь, но голова слишком тяжелая. Глаза закрываются, как будто... словно...

– Вы что... вы что-то сделали... почему я так...

Мысли путаются, а тело не слушается, охваченное дикой слабостью.

– Прости, Аида, так нужно.

– Я не называла вам...

Я проваливаюсь в темноту, бесконечно долго падаю вниз. А потом – это как яркая вспышка – сознание возвращается. И в этот же момент я чувствую, как холодная сталь острого ножа пронзает кожу, врежется в плоть, наполняя сердце кровью.

Встречаю взгляд холодных зеленых глаз, в которых мелькает легкое удивление.

Чувствую привкус крови во рту, и теплая алая струйка стекает из уголка губ на светлую рубашку.

Затем тьма возвращается. Адская, ни с чем не сравнимая боль стихает. Полет продолжается так долго, что когда я в следующий раз открываю глаза, долго не могу понять, где нахожусь. Стекло машины, к которому я прижимаюсь, отрезвляюще холодное. На город опустились ночь и туман.

Водитель такси напоминает мне Харона, перевозящего души мертвых через подземную реку Стикс.

– Меня зовут Селин Сонг, я – директор колледжа мертвых. Проходи, занимай любое понравившееся место. Тебе уже выдали расписание, Аида?

Я молчала, оцепенев под заинтересованными взглядами будущих однокурсников.

– Аида?

– Да. Мне выдали расписание. – Я не узнала собственный голос.

Селин Сонг как ни в чем не бывало улыбнулась.

– Тогда садись, и я начну. Ты последняя прибывшая в своей группе. На перерыве познакомьтесь друг с другом, пообщайтесь. Ближайшие несколько лет вы будете видеть друг друга почти каждый день. Добро пожаловать в колледж мертвых. Многие из вас обескуражены, растеряны или даже напуганы. Поэтому первое занятие я хочу посвятить ответам на ваши вопросы.

О, у меня миллион вопросов. Только не знаю, какой из них задать первым.

Почему ты меня убила?

Как уйти отсюда и никогда не возвращаться?

Есть в вашем мире хоть что-то хорошее?

– Для начала вы должны избавиться от ощущения, что мертвы. Не воспринимайте себя эдакими бесплотными существами. Вы – все еще вы. Да, ваша жизнь изменилась. Вы

покинули привычный мир и очутились в новом, с другими законами и правилами, но здесь не страна призраков. Земля – лишь одна форма существования, после которой следует другая. Представьте себя ребенком. Вы растете, наслаждаетесь детством, изучаете большой мир. А потом вдруг обнаруживаете себя взрослым. Мир вокруг другой, хоть и неуловимо похожий, жизнь изменилась безвозвратно. Смерть – лишь очередной этап взросления. Вы здесь, вы все еще дышите, чувствуете, развиваетесь. Можете влюбляться, дружить, ненавидеть (хотя не советую, мы же пытаемся сделать вас достойными Элизиума).

Раздались робкие смешки. Я даже не рассмотрела толком однокурсников, просто не могла отвести взгляд от Селин. У Самаэля определенно есть вкус. Рыжеволосая, с шикарной фигурой и ангельским успокаивающим голосом. К концу каждой фразы она снижала тональность, и мне хотелось вцепиться ей в волосы. Совершенно иррациональная, не поддающаяся контролю ненависть. И ноющее ощущение там, где должен был остаться след от ножа.

– Вы переехали. Повзрослели. Изменились. Но вы живы, и ваш путь еще не закончен. Отсюда вытекает следующая истина. Несмотря на то что вы бессмертны и в конечном итоге либо обретете покой в Элизиуме, либо вечные муки в Аиде, окончательная смерть все же существует. Избегайте, пожалуйста, вод реки Стикс – ее течение унесет вас туда, откуда нет дороги назад. Держитесь подальше от подземелий, в

некоторых скрыты тайные тропы в Аид. И...

Селин широко улыбнулась.

– Не нарушайте правила министерства. Мы рады помочь вам преодолеть новую ступень на пути к Элизиуму. А теперь задавайте все свои вопросы.

При этом Селин посмотрела на меня (показалось, будто с некоторой опаской, но я вполне могла принять желаемое за действительное).

Пока я боролась с бушующими внутри эмоциями, народ заговорил одновременно. Оценив обстановку, Селин подняла руку и стала давать слово по очереди, начиная с задних рядов.

– Почему мы ничего не помним о прошлых жизнях? Как узнать, были ли они?

– Таковы законы нашей вселенной. Переход из магического мира в немагический сопровождается потерей памяти. Когда вы уходите отсюда на Землю, то начинаете все заново. Когда возвращаетесь с Земли, обладаете лишь воспоминаниями о последней жизни.

– Тогда странно говорить о бессмертии, – фыркнул какой-то парень с первого ряда. – Если я не помню, какие жизни прожил, это уже не я, а каждый раз новая личность.

– Стираются лишь воспоминания. Опыт остается. Вы никогда не задумывались, почему некоторые из вас боятся воды, а некоторые – высоты? Почему кто-то любит блондинов, а кто-то – партнеров старше себя? Почему одному нравится

сладкое, а другому...

– Полусладкое, – фыркнул кто-то, и аудитория взорвалась нервным хохотом.

Селин вежливо улыбнулась. Но явно сдерживаясь, чтобы не закатыть глаза.

– Вы – это не память о том, какую жизнь вы прожили. Вы – это набор качеств, эмоций, страхов. Снова и снова вы оказываетесь на Земле, снова и снова пытаетесь использовать свой предыдущий опыт и стать лучше. Но жизнь меняется, вы меняетесь, меняются обстоятельства. Наши миры – сложные организмы, находящиеся в симбиозе. Для этого и существует министерство: мы направляем души, помогаем им приобрести опыт, нужный для того, чтобы попасть в Элизиум и обрести вечное счастье.

Я как будто в секте. Надеюсь, сейчас нас не попросят раздеться и потрахаться в знак верности духовному гуру?

– А не проще ли прямо всем говорить, что от них требуется? Потому что пока отбор как-то не работает. Мы все стремительнее катимся к концу Земли и человечества.

– Это не прихоть Вельзевула, уважаемые студенты. Это законы, на которые мы не можем повлиять. Наши миры связаны, но каждый из них живет по своим правилам. Здесь мы бессмертны и обладаем памятью прошлой жизни. Там – уязвимы и живем в неведении. Здесь мы пытаемся сохранить оба мира и выстроить справедливое государство. Там – живем как умеем, проявляя истинную сущность. Худшие из

нас отправляются в Аид. Лучшие – в Элизиум. Однажды настанет момент, когда восторжествует справедливость, таково слово Повелителя Вельзевула. И я рекомендую вам уяснить это раз и навсегда. Еще вопросы?

– От чего зависит внешность? – Миловидная блондинка с копной мелких кудряшек, отчаянно смущаясь, грызла карандаш. – Я видела ровесников и стариков, людей средних лет, почти подростков. Даже здесь, в этом классе, мы выглядим так, словно после школы дружно поступили в колледж. Но ведь люди умирают в разных возрастах.

– Мы стараемся подбирать группы по возрасту. Чтобы вы не чувствовали себя одинокими. Для этого же министерство назначило вам друзей, которые помогут разобраться во всем в начале пути.

– А дети? Где дети, они ведь тоже смертны?

Селин помрачнела. То ли не ожидала, что этот вопрос прозвучит, то ли надеялась, что никому не придет в голову его задать.

– Когда я сказала, что души бессмертны и смерть – лишь этап взросления, я... немного сгладила углы. К сожалению, для перехода в магический мир нужна энергия. Внутренняя сила, магия. Тем, кто умирает раньше определенного возраста, ее не хватает. Для них это действительно конец.

– И какой это возраст? – тихо спросила кудряшка.

– Девятнадцать лет и три месяца. Минимальный срок жизни, за который получится набрать нужное количество эне-

гии.

Я стиснула зубы еще крепче, хотя казалось, крепче уже некуда. Надеюсь, здесь есть хорошие преставившиеся во цвете карьеры стоматологи, потому что один мне вскоре понадобится!

Меня не просто убила эта женщина.

Она сделала это в первый же возможный день.

Но для чего? Хотела, чтобы я оказалась здесь как можно скорее? Почему? Вряд ли Селин Сонг скажет. Но я все равно найду ответы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.